

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРИКАСПИЙСКАЯ КОММУНА

ОРГАН ГУРЬЕВСКОГО ОБКОМА, ГОРКОМА КП КАЗАХСТАНА
И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

ГОД ИЗДАНИЯ 51-Я

27 МАРТА, СУББОТА ● 1971 ГОД ●

№63 (11182)

● ЦЕНА 2 КОП.

НА АМУРЕ И СУНГАРИ

В соответствии с Ялтинским соглашением, ровно через три месяца после окончания войны с фашистской Германией, Советский Союз начал военные действия против империалистической Японии.

Концентрированный удар трех фронтов — Забайкальского, Первого и Второго Дальневосточных — был настолько сокрушительным, что более чем миллионная Квантунская армия — основа военной мощи Японии фактически уже через десять дней — 19 августа 1945 года капитулировала.

Участником этой молниеносной кампании, завершившей вторую мировую войну, в составе войск Второго Дальневосточного фронта был и старший матрос Иван Патрикеевич Рогнов — ныне один из лучших водителей АТК ГНХС, ударник коммунистического труда, передовик предсезонного соревнования.

По злому совпадению погожие августовские дни внезапно сменились ненастьем. Неожиданно с Тихого океана наполнили тяжелые тучи и заволокли все Приморье и Приамурье, разразилась гроза, а к вечеру восьмого августа хлынул ливень. И без того полноводный Амур вздулся, затопляя свои многочисленные острова и зарослые берега, делая их непроходимыми.

— Нам, матросам, это была ерунда усмехается Иван Патрикеевич, — А пехота, десантники, которым предстояло высаживаться под японским огнем, ругались, на чем свет стоит...

Оно и понятно. Однако ничего уже изменить нельзя было. Наступление 15-й армии должно начаться в назначенное время в ночь, на девятое. Войска должны были форсировать Амур, на кораблях и баржах Амурской военной

флотилии, приданной фронту. Все было наготове и приказ отменить уже стало невозможным.

— Нашей канонерской лодке «Пролетарий», стоявшей у поселка Ленинский, — рассказывает он, — была задача идти прямо на поселок Лахасусь на противоположном берегу. Передовой ударный отряд человек в 250-300 буквально затопил лодку — не повернуться на ней!

Командованию известно было, что берег неплохо укреплен и защищен довольно значительными силами врага. Поэтому для обеспечения успешной высадки передовых штурмовых отрядов и закрепления их до подхода новых сил задачи ставились не только каждому судну, но и на нем — каждому орудью. Расчет был на то, чтобы внезапным ударом парализовать сразу все объекты противника и тем

свести до минимума свои потери.

Исходя из этого, носовому орудью «Пролетарий» была указана цель — военные склады, кормовому — разбить три солдатские казармы. Где-то незадолго до полночи выяснилось, что командир второго орудия заболел и командир огневой части старший лейтенант Хорошев приказал замковому старшему матросу Ротнову заменить его.

— Заменить, так заменить... — пожал я плечами, — говорит он. — Ответил «Есть!» Орудие — свое, на нем работал. Что еще скажешь? Написал только заявление, чтоб, если погибну, считали коммунистом. Проверили все, приготовились. И вот в четыре утра мы отвалили...

Удар был неожиданным. С первого выстрела носового орудия цель его вспыхнула, осветив окрестность.

— Смотрю, командир наш старший лейтенант Сорнев Игорь Андреевич (лихой мужик, Героя получил затем), вместо того, чтобы в бронированной боевой рубке сидеть, на верхатуре — на мостике маячит. Я цель свою вижу, а бить нельзя, чтобы не снести надстройки. Прошу развернуться бортом. Командир распорядился. Начал я «долбить» по казармам. Японцы — кто куда в одном белье. Пошли в

ход пулеметы. Хорошо, — думаю. Да не тут-то было! Обрушился на нас огонь. С верхушки сопки, там за казармами доты заработали (мы о них и не ведали!). Командир подводит канонерку к стенке, чтоб пришвартоваться, а они бьют так, что и вода, и воздух кипят... Тогда он приказывает сосредоточить огонь по дотам и выбросить на берег артиллерийскую разведку с рацией и сигнальщиком...

Это было своевременное и правильное решение. И оно вскоре дало себя знать. Скорректированный разведкой огонь бортовых орудий подавил огонь противника. Канонерка пришвартовалась, десант вцепился в берег. А тут и тяжелые баржи подошли с артиллерией и танками, хлынули основные силы в наступление.

— Дальше пошло проще для нашей посудины, — улыбнулся Иван Патрикеевич. — Корабли флотилии вошли в Сунгари и пошли вверх. Река заболоченная, узкая. Первой шла бригада бронекатеров, потом мониторы, а последними — мы. Основную нагрузку несли первые. А мы — что? Наша лодка еще в 1905 году в плену у японцев была. Старенькая... Словом, когда мы вошли в только отбитый у врага город Цзямусы, катера и мониторы уже ушли на Саньсин. Нас поставили на рей-

де сторожить, чтоб никто не прошел по реке, да и город очистить надо было...

Иван Патрикеевич прошептал пятерней по седеющей шевелюре и засмеялся:

— Вот тут мне и пришлось быть вроде бы дипломатом.

— То есть?

— На следующий день...

Ну да, на следующий, — начал он неспеша, — к нам на глиссере подошел командующий флотилией контр-адмирал Антонов и начальник тыла, капитан первого ранга — не помню фамилию. Меня с медсестрой послали сопровождать начальника тыла. Поехали на электростанцию. Я облазил все три этажа, доложил, что генераторы сожжены. Поехали на «виллисе» по городу. С крыши нас обстреляли, пробили скат. Пока меняли колесо, я вел перестрелку — отогнал бандитов. Побывали у танкистов. Здесь начальник тыла взял переводчика и опять поехали к реке. На глиссере переманули на другую сторону, к какому-то селению. Капитан остался в каюте, а мне приказал через переводчика обратиться к населению.

— Ну и как?

— Ничего получилось, — улыбнулся он. — Как появились мы на берегу, население — навстречу, приветствует нас. Я и сказал, что наша цель — прогнать их угнетателей-японцев. Враг бежит уже, наши войска преследуют его и обязательно разобьют. Это хорошо и им, и нам. Но остались наши суда с продовольствием. А мы — не японцы, не хотим и не

можем грабить своих братьев. Мы хотим купить у них продукты, поэтому просим, чтобы и они, и их соседи по деревням завтра подвезли кто что может. Мне аплодировали, кричали что-то. А утром, чуть свет, нахлынули лодочки, с мясом, рыбой, овощами и прочей снедью...

Неделю спустя канонерка «Пролетарий» ушла на свою базу в Хабаровск, буксируя два трофейных бронекатера разоруженной в Харбине Сунгарийской флотилии врага. А еще через несколько недель грудь старшего матроса Ротнова украсилась орденом Красной Звезды за мужество и отвагу, проявленные им в ночь форсирования Амура.

И. ЕВТУШЕНКО.